

БИБЛИОТЕКА

Амурского областного

МУЗЕЯ

КРАЕВЕДЕНИЯ

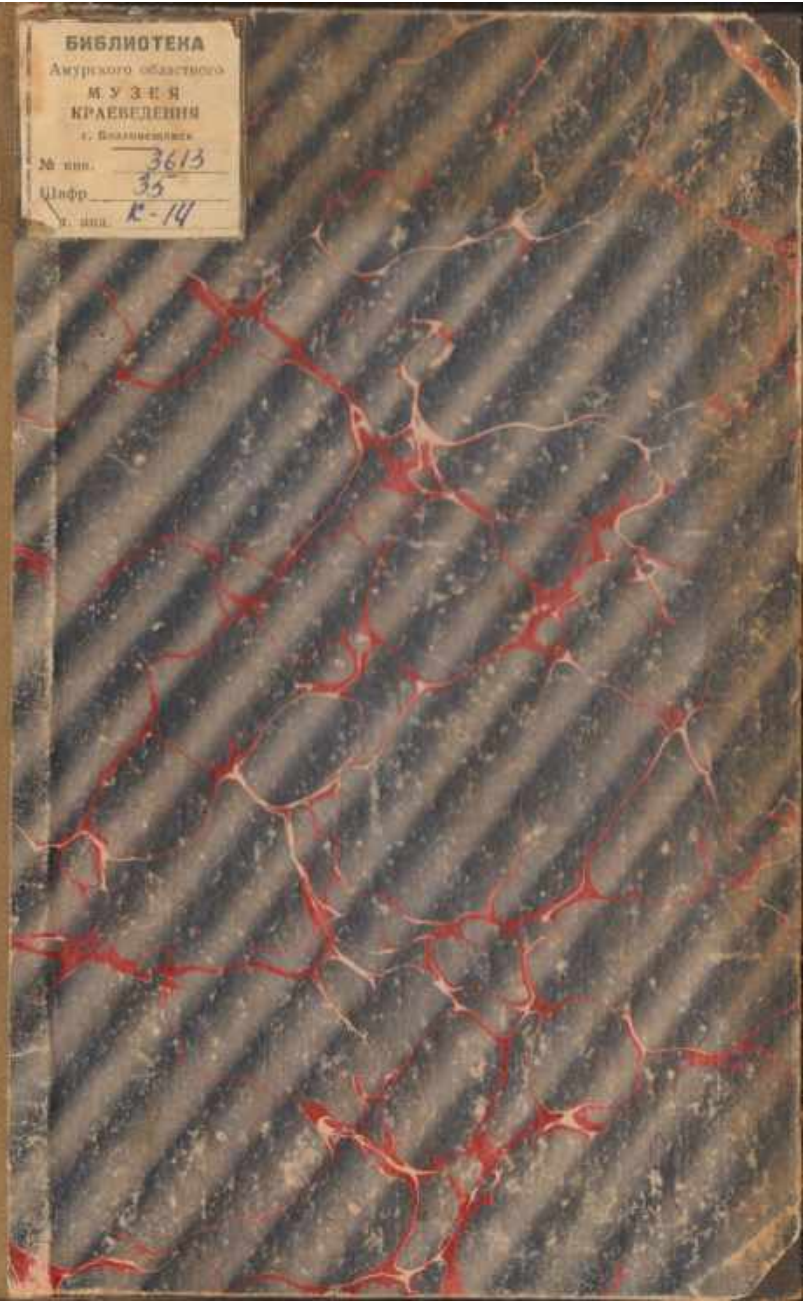
г. Благовещенск

№ кн. 3613

Цифр 35

к. инв. К-14

16

КАЗАКЪ-АМУРЕЦЪ.

НУЖДЫ
Пріамурскаго казачества
— ВЪ —
Государственной Думѣ.

ОТТИСКИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ЭХО“.

07
БИБЛИОТЕКА
Амурскаго областного
МУЗЕЯ
Благовѣщенск. Забров-
скаго стана

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ
Типографія газеты „ЭХО“
1912 г.

699 #430
3613

Нужды Приамурскаго казачества въ Государственной Думѣ.

Какъ извѣстно, въ Думахъ перваго и втораго созыва представителя Приамурскаго (Уссурийскаго и Амурскаго) казачества не было. Въ виду краткаго существованія этихъ Думъ, отдаленности нашего края и громоздкости избирательнаго механизма, мы, приамурцы, не успѣвали выбрать депутата, какъ Гос. Думу уже распускали. По этимъ причинамъ—кратковременности думскихъ сессій и отсутствію нашего представителя—отдѣльныя мѣстныя нужды приамурскихъ казаковъ въ первой и второй Думахъ почти не обсуждались. Такимъ образомъ, въ нашемъ очеркѣ мы будемъ вести рѣчь только о работѣ третьей Думы, по сколько отразились въ ней наши наиболѣе мѣстные вопросы и нужды, а также—по сколько они, съ нашей точки зрѣнія, должны бы были удостоиться вниманія законодательныхъ учреждений.

1) Земство.

Среди мѣстныхъ сибирскихъ, а въ частности и нашихъ приамурскихъ нуждъ самой существенной и важной нужно признать введеніе земства.

На самоѣ дѣлѣ, одно географическое положеніе Сибири и особенно Приамурья говоритъ за полную обособленность края отъ остальной Рос-

си. Доказывать въ наше время наличность особенныхъ условій сибирской жизни, особаго уклада быта сибиряковъ, не приходится. Это давно уже стало аксіомой. И въ виду сознанія этой обособленности, сибирское населеніе въ лицѣ различныхъ общественныхъ, культурныхъ, научныхъ и др. организаций, въ періодъ подъема общественной самодѣятельности и самосознанія въ 1904—6 годахъ, опредѣленно высказалось о томъ, какое именно самоуправленіе нужно для Сибири. На ряду съ волостнымъ, уѣзднымъ и губернскимъ земствомъ признавалась необходимая и общая для всей Сибири—областная земская организация съ законодательными функциями по мѣстнымъ вопросамъ. Но то было время великихъ чаяній и надеждъ, а вслѣдъ за ними настало время разбитыхъ иллюзій и мечтаній. Такова ужъ суровая наша дѣйствительность.

И вотъ представители Сибири въ третьей Думѣ, потерявъ всякую надежду провести настоящее, требуемое сибирскимъ обществомъ, земство, рѣшили пойти на компромиссъ. Они внесли законодательное предложеніе о распространеніи на Сибирь и Приамурье дѣйствующаго въ 34 губ. Европ. Россіи положенія о земскихъ

учреждениях, вводя въ него вызываемыя мѣстными условіями нѣкоторыя измѣненія. При этомъ предполагалось, что, съ реформой земства въ Европ. Россіи, реформа эта будетъ распространена и на Сибирь. Проектъ внесенъ былъ въ порядкѣ думской инициативы 23-го мая 1908 года за подписью 101 члена Государственной Думы.

Несмотря на то, что правительство категорически отказалось принимать какое либо участіе въ разработкѣ новаго закона, проектъ всетаки былъ разработанъ и принятъ въ подкомиссіи, а затѣмъ и въ комиссіи Г. Думы по мѣстному самоуправленію. 30-го января 1912 г., наконецъ, онъ былъ принятъ и въ общемъ засѣданіи не встрѣтивъ противодѣйствія даже со стороны правыхъ. Такъ очевидной казалась необходимость земства для Сибири.

Въ докладѣ комиссіи и въ рѣчахъ депутатовъ-сибиряковъ были приведены въ защиту земства слѣдующія соображенія:

Сибирь и особенно Приамурье удалены отъ центра Россіи. А всякое нововведеніе въ ихъ земскомъ хозяйствѣ и даже простое разсмотрѣніе и утвержденіе существующихъ земскихъ смѣтъ проводится черезъ законодательныя учрежденія, которыя принимаютъ на себя, такимъ образомъ, функціи чисто земскаго мѣстнаго характера. Такая громоздкость и медленность проведенія мѣропріятій не можетъ не отзываться губительно на земскомъ хозяйствѣ края.

Кромѣ того, Сибирь на столько обособлена отъ коренной Россіи въ условіяхъ своего быта, что ближайшее завѣдываніе ея хозяйствомъ черезъ чиновниковъ, часто совершенно не знакомыхъ съ мѣстными условіями и къ тому же совершенно не заинтересованныхъ въ улучшеніи хозяйства чуждаго имъ края,—ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано нормальнымъ.

И дѣйствительно, къ какой бы отрасли земскаго хозяйства мы не обратились, сейчасъ же увидимъ, что она находится въ состояніи крайне неудовлетворительномъ. Возьмите агрономическую и ветеринарную помощь населенію, санитарно-медицинское дѣ-

ло, народное образованіе, дорожную и подводную повинности—всѣ эти отрасли земскаго хозяйства въ Сибиріи оставляютъ желать весьма и весьма много лучшаго. Сами мѣстные чиновники сознаютъ, что доставить земское хозяйство на надлежащую высоту имъ не по силамъ. Не по силамъ вследствие массы работы, незнаемъ края, оторванности отъ него, незаинтересованности въ улучшеніи хозяйства и устарѣлости устава о земскихъ повинностяхъ 1857 года, которымъ администрація должна руководствоваться при составленіи земскихъ смѣтъ.

Такая, далеко неудовлетворительная, постановка дѣла веденія земскаго хозяйства является большимъ тормозомъ въ нормальномъ развитіи культурно-экономической жизни края съ его громадными природными богатствами. А это идетъ въ ущербъ и русскому дѣлу въ Азін, ставя Сибирь въ положеніе какой то отморозенной части Россіи.

Наконецъ, само населеніе давно уже жлетъ земства, какъ общественную организацію, въ которой нашла бы примѣненіе его потребность въ самостоятельности, ведущей, въ свою очередь, къ подъему какъ духовной, такъ и матеріальной культуры.

Все, изложеное относительно Сибири и Приамурья въ цѣломъ, въ полной мѣрѣ можетъ быть отнесено и къ Приамурскому казачеству, въ частности. Съ этимъ согласится всякій, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ бюрократическимъ хозяйничаньемъ войсковыхъ правленій въ Амурскомъ и Уссурийскомъ казачьихъ войскахъ. Распространеніе земства на эти войска, кромѣ упорядоченія ихъ хозяйства, даже съ обложеніемъ казаковъ земскими повинностями, въ значительной степени облегчитъ тяготы населенія, фактически все равно несущаго почти всѣ земскія повинности, въ видѣ станичныхъ и хуторскихъ затратъ на содержаніе школъ, конюшю, дорожную и квартирную повинности и т. д.

Достаточно указать, какъ на примѣръ, на тотъ фактъ, что въ настоящее время школы содержатся въ Уссур. войскѣ на половину, а въ Амурскомъ почти всецѣло на станич-

ная и хуторскія средства. Съ введеніемъ земства содержаніе школъ, въ числѣ другихъ отраслей хозяйства, перейдетъ къ земству. Словомъ, введеніе земства у казаковъ, кромѣ улучшенія находящагося теперь въ вѣдѣніи войсковой администраціи земскаго хозяйства, и облегченія тяготы по отбыванію повинностей, ничего другого внести не можетъ. Что же касается отбыванія казаками военной службы со своимъ снаряженіемъ и лошадыю, то этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о землеустройствѣ, и мы къ нему вернемся въ свое время.

Противники распространенія земства на казаковъ, утверждаютъ, что послѣдніе совершенно обособлены отъ остальнаго населенія областей. Будто бы между ними и этимъ населеніемъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что могло бы сдѣлать возможнымъ введеніе соимѣстнаго земства. Но стоитъ только приглядѣться къ быту и хозяйственнымъ условіямъ жизни Приамурскаго казачества, чтобы убѣдиться въ противномъ, т. е. въ томъ, что казаки въ нашемъ край мало чѣмъ, или почти ничѣмъ, не отличаются отъ своихъ сосѣдей-крестьянъ.

Этотъ фактъ признаетъ, между прочимъ, участникъ амурской экспедиціи 1910 г., представитель мин. внут. дѣлъ, г. Закревскій, который ужъ никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ «неблагонадежности» по части толкованія интересовъ государственной обороны Приамурья. На стран. 225 его труда «Земское хозяйство въ Амур. и Прим. областяхъ» читаемъ: «Нельзя забывать, что казачье населеніе (рѣчь идетъ о приамур. казакахъ), хотя оно и называется войскомъ, но въ своихъ селеніяхъ оно только сельское населеніе и больше ничего. Войскомъ оно въ дѣйствительности бываетъ тогда, когда находится въ строю. Казачьи поселенія, составляя собой земельно-хозяйственныя общины, не могутъ быть разсматриваемы, какъ казармы, у входа которыхъ стоитъ часовой и постороннихъ не пускаетъ»...

Кромѣ того, казацка и крестьянская территорія такъ тѣсно соприкасаются одна съ другой, переходя мѣстами въ настоящую череполоосу,

что нѣтъ рѣшительно не только смысла, но и малѣйшей возможности изолировать казаковъ и выдѣлать ихъ въ особую территориальную земскую единицу.

Все это говоритъ за то, что въ Приамурьи вполне возможно и даже совершенно необходимо земство, общее между казаками и другими сословіями.

Правда, при введеніи земства могутъ возникнуть нѣкоторыя чисто технические затрудненія, вызываемыя особенностями административно-хозяйственнаго управленія казаковъ. Но эти затрудненія легко могутъ быть предусмотрѣны и спорные вопросы предрѣшены въ законодательномъ порядкѣ.

Въ этихъ цѣляхъ и въ интересахъ справедливости по отношенію къ казачьему населенію, думскимъ законопроектомъ предусматривается слѣдующее:

Въ вѣдѣніе земства изъ руки войсковой администраціи передаются дѣла: 1) по отбыванію земскихъ повинностей, 2) по общественному призрѣнію, 3) по медицинской и ветеринарной частямъ, 4) по страховому дѣлу, 5) по завѣдыванію арестными помѣщеніями. Вместе съ тѣмъ, земству передаются и всѣ капиталы, имущество, доходы и запасы, относящіеся къ дѣламъ, подчиненнымъ вѣдѣнію земскихъ учреждений. За казаками остаются всѣ льготы, предоставленныя имъ, сравнительно съ другими сословіями, за отбываніе военной службы со своимъ снаряженіемъ и конемъ. Существующія же въ видѣ разныхъ денежныхъ пособій отъ казны льготы съ переходомъ къ земству дѣла, на которыя эти пособия были выдаваемы, не идутъ въ общій доходъ земства, а поступаютъ на погашеніе денежныхъ повинностей съ казачьего населенія.

Такимъ образомъ, поземельный и др. налоги на казаковъ въ пользу земства фактически съ нихъ взыскиваться почти не будутъ, и во всякомъ случаѣ окажутся гораздо ниже крестьянскихъ платежей. Замѣтимъ, что земельное обложеніе съ крестьянъ Амур. и Примор. обл. въ настоящее время (за 1912—14 года) выражается

средним числом около 7 коп. съ десятины въ годъ.

И такъ, введеніе земства въ Сибирь съ распространіемъ его и на казачье населеніе въ Г. Думѣ было признано необходимымъ и вполне возмозжимымъ технически.

Законопроектъ перешелъ въ Г. Совѣтъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ жестокий отпоръ и былъ отклоненъ. Распространеніе на Сибирь даже такого «кусаго» земства, какъ по положенію 1890 года, было признано не своевременнымъ.

Въ обоснованіе такого отношенія къ инициативнѣйшей нуждѣ Сибири были выставлены слѣдующіе доводы:

1) При громадномъ пространствѣ и рѣдкомъ населеніи территорій, на которую распространяется положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и при сибирскомъ бездорожьи, трудно будетъ, какъ производить выборы и устраивать земскія собранія, такъ и проводить въ жизнь постановленія земскихъ собраній. Кроме того, населеніе будетъ почти лишено возможности пользоваться тѣми ценными школами, больницами и др. земскими учрежденіями, которыя въ силу необходимости будутъ учреждены только въ нѣкоторыхъ, весьма отдаленныхъ мѣстахъ отъ другаго пунктахъ.

2) Сибирь въ настоящее время далеко еще не благоустроена въ смыслѣ административнаго дѣленія ея. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ преобразование и раздѣленіе нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ.

3) При ежегодномъ приливѣ сотенъ тысячъ переселенцевъ населеніе Сибири пока весьма не устойчиво. Да и сами переселенцы въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ по закону освобождаются отъ всякихъ земскихъ повинностей.

4) Въ Европ. Россіи земское управленіе основывается, главнымъ образомъ, на участіи нѣ дѣльных частныхъ собственниковъ земли. Таковыя въ Сибири почти отсутствуютъ.

5) При малочисленности населенія возникаютъ финансовыя затрудненія; налоговое бремя будетъ слишкомъ ощутительнымъ для населенія.

6) И, наконецъ, вопросъ о введеніи земства въ Сибирь вообще не доста-

точно разработать и при томъ безъ участія правительства, а потому польза отъ введенія земства пока представляется весьма проблематичной и сомнительной.

Самымъ серьезнымъ изъ всѣхъ этихъ доводовъ нужно признать малочисленность населенія при громадности территорій. Но вѣдь земство распространяется не на всю Сибирь, а только на наиболее населенныя мѣстности. При этомъ противники земства почему то сравниваютъ численность народонаселенія Сибири съ населеніемъ земскихъ губерній Европ. Россіи въ настоящемъ. Вѣдь въ какой нибудь Олонеккой или Вологодской губ. въ моментъ введенія тамъ земства едва ли была въ наличности большая густота населенія, чѣмъ сейчасъ въ наиболее населенныхъ мѣстахъ Сибири, на которыя только и предполагается распространить положеніе о земствѣ.

Что же касается административнаго неустройства и неразработанности вопроса—это не принципиальныя возраженія, а простая формальная отговорка.

Дальше, неплатежеспособность переселенческаго элемента. Но вѣдь если отдать въ распоряженіе земства тѣ милліоны денегъ, которые въ настоящее время идутъ на нужды земскаго же хозяйства переселенцевъ, то освобожденіе новоселовъ отъ земскихъ повинностей, вѣроятно вполне компенсируется.

Тотъ доводъ, что безъ дворянъ и вообще крупныхъ землевладѣтелей некому будетъ вести земское хозяйство въ Сибири—разумѣется, не болѣе, какъ соображеніе и разсужденіе господъ изъ Бѣловѣжской пущи.

Что же касается вопроса о неудовлетворительномъ веденіи земскаго хозяйства въ Сибири при помощи чиновниковъ, то противъ этого и Г. Совѣтъ не нашелъ никакихъ возраженій. Признавая самый фактъ неудовлетворительности, Совѣтъ даже вынесъ резолюцію о необходимости упорядоченія земскаго хозяйства въ Сибири.

Такимъ образомъ, обоснованныхъ, серьезныхъ возраженій противъ сибирскаго земства ни правительствомъ, ни членами Г. Совѣта выставлено не

было. Что же въ такомъ случаѣ нужно признать *дѣйствительной* причиною нежеланія дать земство для Сибири? Вѣдь нѣтъ дѣйствія безъ причины. А разъ не дадутъ, то, стало быть, имѣютъ какое-нибудь основаніе, хотя и стараются не говорить о немъ. И дѣйствительно, прислушиваясь къ аргументаціи «непріемлемости» земства, нельзя не «прочесть между строкъ» какихъ то «закулисныхъ» соображеній. А соображенія эти, какъ намъ кажется, могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ: 1) недовѣрію къ Сибири—этому «мухицкому морю»; 2) увѣренность высшей бюрократіи, что можетъ справиться съ чужимъ хозяйствомъ при помощи чиновниковъ.

Слѣдовательно, главныя, основныя причины недопущенія сибирскаго населенія до земскаго самоуправленія кроются не въ дѣйствительныхъ условіяхъ сибирской жизни, а въ чисто пестороннихъ соображеніяхъ.

Эти соображенія и послужили причиною провала земства въ Г. Совѣтъ 5-го мая 1912.

Предъ лицомъ всего сибирскаго общества, а въ частности и передъ нами, приамурцами-казаками, крестьянами и горожанами—вопросъ о введеніи земскаго самоуправления всталъ опять во весь свой ростъ, перейдя въ новую стадию своего развитія. Борьбу за земство мы должны вновь предпринять, но съ болѣе основательными средствами, съ болѣе настойчивостью въ стремленіи къ неизмѣнной дѣлѣ.

Взвѣсивъ «по жребію» изъ забайкалья пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, отцы и дѣды современныхъ приамурскихъ казаковъ были разселены въ количествѣ трехъ тысячъ семей вдоль по теченію р. р. Амура и Усури на протяженіи 2½ тысячъ верстъ. Поселенія этихъ невольниковъ-колонизаторовъ располагались по указанію начальства, главнымъ образомъ, по самымъ берегамъ упомянутыхъ рѣкъ въ среднемъ на разстояніи приблизительно 20-25 верстъ одно отъ другаго.

Такимъ образомъ, въ распоряженіи вновь организованнаго Амурскаго казачьяго войска оказалась громаднѣйшая, но мало пригодная и совершен-

но не подготовленная для земледѣлія территория.

Позднѣе, съ развитіемъ заселенія края крестьянами, назрѣла потребность въ установленіи болѣе или менѣе опредѣленной границы казачьяго землепользованія. И вотъ, въ 1894 году бывшимъ Приамурскимъ ген.-губерн. Духовскимъ были, наконецъ, «по картѣ по живымъ урочищамъ» установлены временныя границы территорій Амурскаго и Уссурийскаго каз. войскъ. (Уссурийское было выдѣлено изъ Амурскаго въ самостоятельное войско въ 1889 году).

Площадь этого отвода исчисляется приблизительно въ 15 милл. десятинъ: уссур.—9 и амур. около 6 мил.,— что при 70 тыс. казачьяго населенія въ настоящее время составляетъ по 200 съ лишкомъ десятинъ на душу обою пола. При этомъ, разумѣется, нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что большая часть всѣхъ этихъ земель совершенно непригодна для земледѣлія и значительная часть—даже для скотоводства и лѣсного хозяйства. При всемъ томъ, однако, и въ настоящее время остается неиспользованной нѣкоторая площадь, пригодная для заселенія. Размѣры этой неиспользованной, но пригодной для колонизаціи площади пока, до установленія окончательной границы казачьей территорій, болѣе или менѣе точно, неопредѣлены.

Это послѣднее обстоятельство въ настоящее время ставитъ ребромъ вопросъ объ окончательномъ надѣленіи приамурскихъ казаковъ землею. Неопредѣленность положенія вещей съ казачьимъ землеустройствомъ съ точки зрѣнія интересовъ государства и крестьянской массы, нуждающейся въ землѣ для переселенія, въ настоящее время представляется во всякомъ случаѣ явленіемъ не нормальнымъ.

Къ тому же сравнительнымъ обследованіемъ крестьянскихъ и казачьихъ хозяйствъ въ Приамурьѣ, произведеннымъ въ послѣдніе годы, установлено, что крестьянскія колонизаціи края въ экономическомъ отношеніи предпочтительнѣе казачьей. А такъ-какъ крестьяне, получая надѣлы въ три раза меньшія, чѣмъ казаки, почти могутъ быть населены,—то и въ интересахъ государственной

обороны и защиты края от наплыва «желтых» также признано за лучшее заселить край крестьянами, а не казаками.

Словом, в высших правительственных сферах решено совершенно прекратить дальнейшее заселение Приамурья казаками. 3-го апреля 1910 года Высочайше утверждено мнение Совета Министров, согласно которому все свободная и пригодная для сельского хозяйства земли отводятся генер. Духовного признаны подлежащими заселению в порядке общинных правил о заселении казенных земель.

В том же году высшей местной властью были разработаны и внесены на рассмотрение Совета Министров законопроект о надбавлении землею Амурского и Уссурийского казачьих войск. Проект этот подвергся некоторой переработке, применительно к законопроекту о надбавлении землею Семиреченского каз. войска, и 18-го февраля 1911 года был внесен в Государственную Думу.

Сущность его сводится к следующему:

Станицы и хутора получают в общинное пользование: 1) по 30 дес. удобной земли на каждую мужскую душу населения, с условием, чтобы пахотной земли, по возможности, приходилось не менее 15 дес. на душу, 2) по 300 дес. на каждую церковь и 3) 15 дес. на школу. Кроме того, отводится каждому войску по 10 дес. на душу для надбавления в последствии естественного прироста населения и по 10 дес. на душу на разные войсковые надобности.

Для более подробного ознакомления отсылаем интересующихся к самому проекту, который в значительном количестве экземпляров разослан казачьим депутатам Н. А. Маньковым по станичным правлениям, для ознакомления с ним казаков. В письме депутата высказывалось, между прочим, пожелание о том, чтобы местное население не осталось безучастным к такому важному для него вопросу и отозвалось присылкой приговоров, частных писем и др. материалов. Все это нужно будет для обоснования тех или иных изменений в

проекте, который надлежит внести в него, в интересах надбавляемого земель казачьего населения. На призыв депутата казаки отозвались присылкой писем из 11 станиц. Корреспонденты в общем, оказываются, удовлетворены проектом, внося в него кой-какие мелкия и частичного характера поправки. Просить главным образом увеличить надбавку на школы, доведя его до 100 дес., а также произвести землеустроительную работу за счет казны, не относя даже и части расходов на станичные общества.

К числу существенных недочетов проекта нужно отнести недостаточную разработку и неясную формулировку вопроса о «заливных лугах». Петербургские бюрократы признают эти луга равноценными (ст. 5 проекта) с самой лучшей пахотной землей, исходя из соображения о действительной ценности таких лугов в Европ. России. Здесь, в Приамурьи, разливы реки, благодаря особым климатическим условиям, происходят не весной, а преимущественно во второй половине лета, и при том в разные годы не в одно и то же время. Следовательно, заливные луга совершенно не могут быть использованы для посевов. В лучшем случае на них можно только косить сено, рискуя однако остаться без такового, если не успеешь во время увезти его на возвышенное место. При таких условиях заливные луга совершенно обезцениваются и не могут быть приравниваемы не только к пахотным, но даже и к сенокосным угодьям. Луга эти имеют, кажется, единственное достоинство — на них весной рано появляется и быстро растет сочная молодая трава, пригодная в качестве подножного корма. После же разлива реки трава покрывается илстыми осадками и становится совершенно непригодной для питания животных, вызывая у последних желудочно-заболевания.

Но почему то из всех одиннадцати ответов только в одном или двух и то между прочим, вскользь, указывается на эту недостаточную в законопроект разработку вопроса о заливных лугах. А при значи-

тельным количеством таких лугов в некоторых станичных округах и при условии отнесения их к числу лучших земель, население этих округов может остаться совершенно без удобных для хлебопашества надбавов.

Подробное рассмотрение всех недостатков проекта завело бы нас слишком далеко, чего мы не можем сделать за недостатком места. Считаю, только, долгом отметить, что, при выборах депутата в 4-ю Думу, было бы в высшей степени важно и необходимо снабдить его материалами по детальной разработке вопроса, весьма важного для дальнейшего хозяйственного существования приамурских казаков.

Скоро исполнится уже два года, как проект о землеустройстве лежит в комиссии Г. Думы. Поперек дороги лег ему упомянутый выше аналогичный законопроект Семиреченского к. войска, внесенный немного ранее амурского «коллеги». Рассмотрение и утверждение семиреченского проекта тормозится, по словам нашего депутата, спором об установлении границы между казачьей и киргизской территориями. Сколько времени будут спорить по этому поводу в комиссии четвертой Думы, мы пока не знаем, но, во всяком случае, приамурским казакам-избирателям в своих интересах не мешает сделать в наказе депутату указание на скорейшее проведение законопроекта о землеустройстве.

3) Организация агрономической, ветеринарной и др. видов хозяйственной помощи населению.

Не достаточно, разумеется, отвести только землю для казачьего населения и предоставить ему ведение хозяйства по способу отцов и дедов. Для улучшения хозяйства казаков, обративших землю личным трудом, и неимеющих средств и возможности поставить хозяйство на высшую степень развития, необходимы сельско-хоз. школы, опытные поля, советы агронома и вообще широкая организация агрономической и ветеринарной помощи. Необходимы для деревни и дешевый мелкий кредит, и разного рода сельско-хозяйст-

венная кооперативная учреждения и организации...

Почти не греша против истины, можно сказать, что всего этого лишено приамурское казачество. Доста точно указать, что на оба войска, растянутая на 2½ т. верст по местности с разными природными условиями занятя сельским хозяйством, имеется всего только по одному агроному на войско. На устройство же самой агрономической помощи ассигнуются гроши в виде нескольких сотен рублей. Только благодаря личной настойчивости и энергии войскового агронома, В. Т. Ковалева, амурскому войску удалось получить от казны на расходы по оказанию непосредственной агрономической помощи населению в 1912 году 3000 рубл., проведением ассигновки через областную агрономическую организацию.

Ветеринарное дело при 3—4 врачах и 15—20 фельдшерах на оба войска оставляет желать тоже много лучшего.

Кроме земледелия и скотоводства, казачье население занимается также звероловством, рыбным и лесными промыслами, извозом. Но и в этих отраслях хозяйства население предоставлено только собственным силам и умению.

Ни одна из всех, только что перечисленных нужд приамурского казачества не была удостоена внимания Г. Думы. Впрочем, нужды-то эти ведь носят чисто земский характер. И трудно приклясть их к работам государственного законодательного учреждения.

В этом и многих других местных вопросах мы приходим к единственному выводу — к необходимости введения земства в нашем крае, о чем мы уже и говорили в своем мнении.

4) Медицинская помощь населению.

Медицинская помощь казачьему населению Приамурья воспользовались исключительно вниманием третьей Г. Думы среди всех других нужд края. Был принят Думой и пропущен Г. Советом законопроект, внесенный [26 апр. 1909 г.] сделавший законом, согласно которому местное население обеспечивается неко-

торой медицинской помощью. Для амурского войска за счет казны устрояются два больницы (Ек.-Никольская на 20 и Черняевская на 10 кроватей); содержится 1 войсковой и 6 участковых врачей, 6 акушерок и 19 фельдшеров. Для уссурийского — за войсковой счет — приемные покои в общем числе на 36 кроватей, 1 войсковой и 3 участковых врача, 3 акушерки и 12 фельдшеров.

Заведывание хозяйственной стороной дела возложено на войсковое правление, а наблюдение за самой врачебной частью — на войсковых врачей с подчинением их военномедицин. инспектору Приамурского военного округа.

Два больницы, обслуживающие район в 1800 верст длиною и по акушерки и врачу на каждые два станичных округа, растянутых часто на 200-300 верст, это, конечно, не больше, как жалкое подобие действительной медицинской помощи. Но что делать? Казакам остается утешать себя пословицей про синицу в руках и журавля в небе, при всем исключительном внимании Г. Думи к этой их нужде.

Для обеспечения войск фельдшерами на основании того же закона учреждено по четыре казенных стипендии на каждое войско при Иркутской военно-фельдшерской школе, в которой в настоящее время и обучается восемь казачьих малолетков. По окончании курса они обязываются прослужить в своем войске на должности фельдшеров не менее шести лет.

5) Земская и натуральная повинности.

Дорожная, подводная, квартирная и проч. земские и натуральные повинности тяжелым бременем ложатся на казачье население. Они почти всецело отбываются станичными и хutorскими обществами. Субсидии войсковых правлений на эту же предмет выражаются в ничтожной сумме. Например, в Амур. войске — 600 руб. для содержания перевозок через рьки: Бурею, Архару и Безумную. Из земских же средств казаки не получают ни гроша на том основании, что казачье население в Амурской и Приморской обла-

стях не обладает земскими сборами.

По приблизительному подсчету («Приамур. Вѣдом.» 1907 г. № 1165) на каждую душу, отбывающую повинность, приходится ежегодных платежей от 20 до 35 руб. Кроме того составится приблизительно такая же сумма, если перевести на деньги повинности, отбываемые натурой.

Эта баснословная цифра — около 50 руб. в год на душу в возрасте 20-50 лет, кроме казаков состоящих на действительной службе — станет понятной, если принять во внимание, что на казаках, при их малочисленности разбросанных на громадной территории, лежат следующие повинности:

Исправление дорог, мостов, татей; содержание перевозов, устройство и поддержка в исправности зимнего санного пути по льду Амура на протяжении около 2-х т. верст; перевозка на обывательских лошадях, кроме своего многочисленного начальства, всех других лиц, совершенно не принадлежащих к войску, но имеющих открытые предписания; содержание земских квартир; охрана телеграфа от напального огня и окарауливание почтово-телеграфных учреждений, сопровождение арестантов; содержание школ и церковных причтов, а в некоторых местах — аптеки и фельдшеров; содержание должностных лиц по общественому управлению, взнос ревизского (продовольственного) хлеба и т. д. Кроме того, по положению об общественном управлении станиц, каждый казак по отбытии срока военной службы и до 54-летнего возраста обязан прослужить три года на общественной службе.

В виду такой постановки дела отбывания повинностей казаками, вопрос этот требует немедленного тщательного рассмотрения и разрешения. Но он не мог быть рассмотрен в Г. Думь даже в связи с проведением через нее земской смьты, так как раскладка земских повинностей не распространяется на казаков, как уже было отмечено выше.

В интересах справедливости и уравнительности в распределении рас-

ходов по отдельным селениям, как казачьим, так и крестьянским, необходимо учредить такой орган управления, который руководил бы общими по всей области (в Амурской и Примор. в отдельности) делами отбывания земских повинностей.

И вообще, вопрос о земских повинностях останется большим вопросом до тех пор, пока не будет заполнено «пустопорожнее» теперь место с учреждением органов земского самоуправления в нашем крае. Надаться же на упорядочение дела чиновниками, как показал уже многолетний опыт, — не приходится.

6) Военская повинность.

При всей тяжести земских и натуральных повинностей расходы на них все же далеко уступают сумме издержек на отбывание казаками военной службы со своим снаряжением и конем. При выходе на действительную службу каждый казак затрачивает минимум 300 руб., не считая тех расходов, которые неизбежны в течение всех четырех лет отбывания службы в строю. При этом обмундирование и снаряжение несостоятельных казаков лежит на обязанности станичных обществ. Получается нечто вроде круговой поруки.

В вид вознаграждения за такое несение службы казаки получают в свое пользование земельный надель, превышающий в три раза крестьянской. Без сомнения, при значительной цинности земли все расходы казаков, связанные с отбыванием ими военной повинности, могли бы быть с лихвой возмещены от использования своих надель. Что и имеет место в других казачьих войсках. Но нельзя сказать этого относительно приамурского казачества, исключая некоторых станиц, земли которых прилегают к полосе железной дороги и к городам. Особенно малоцинные земли в верхних округах Амурского каз. войска. Здесь вероятность встретить даже десятины распашанной земли на дворе. Население этих округов пробивается случайными, правда иногда очень прибыльными, заработками: возить груза на

приска, кь линии строящейся Амур. ж. дороги, содержать почтовых лошадей и т. под.

А в общем казачье население гораздо менее зажиточно, чем старожильческое крестьянское, почти при одинаковых экономических и др. условиях занятия сельским хозяйством. Причины отсталости казачьих хозяйств, кроме раззорительности отбывания ими военной службы, нужно искать и в других условиях казачьего быта и управления, начиная от принудительного переселения казаков из Забайкалья и кончая нашими днями...

Весь резон существования Приамурского казачества на Дальнем Востоке сводится кь большей боевой пригодности казаков в качестве защитников границы. Но за последнее время и в этом отношении возникают больша сомнения. Так, цитированный уже нами автор одного из трудов Амур. экспедиции приходит кь такому заключению:

«Вообще, казачье население дома, в своих селениях, это не то казачество прежних времен, которое всегда бывало готово в поход в полном состав, закаленным в бою. Теперь это мирное сельское население под наименованием казаков, по традиции своих предков. Что же касается казачьих переселенцев, из крестьян, то у них и традиции никаких нет и они типичные крестьяне-малороссы. Духа удалого казачества прежних времен в казачьем населении на Д. Востоке не осталось». (В. А. Закревский. «Земское хоз. в Амур. и Прим. обл.», стр. 275).

А вот мнение другого лица. Полковник Оверинь, по распоряжению высшего начальства составивший брошюру «Вниманию амурских и уссур. казаков», разосланную по станицам, — пишет (стр. 77), что «невольно напрашивается сам собой... далеко не праздный вопрос: да не лучше ли покончить с таким казачеством, не лучше ли завести на дальний окраин кавалерийск части?»

Впрочем, на следующе же странице автор показывает, что упразднить приамурское казачество не следует, что «вд и на Дону в

последние годы идет развал казачества, но не подымается и рѣчи объ упраздненіи Донскаго войска. Къ тому же примурскія казачьи войска находятся «на томъ далекомъ рубежѣ нашего Отечества, къ которому до сихъ поръ еще прикованы взоры всего свѣта»; слѣдовательно, они находятся въ особо благоприятныхъ условіяхъ «развить таящуюся въ нихъ мощь».

Но вѣдь такіе доводы не больше, какъ благія пожеланія или «традиціонныя» соображенія, не основывающіяся на фактахъ дѣйствительности. Такимъ образомъ, вопросъ, если и не о полномъ упраздненіи казачества, то во всякомъ случаѣ о прекращеніи дальнѣйшаго заселенія края казаками—вопросъ рѣшенный въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Что же касается разработки вопроса Г. Думой третьяго созыва, то вѣдь она всегда шла на поводу у правительства. Ею было проведено нѣсколько законопроектовъ имѣющихъ то или иное отношеніе къ вопросу объ отбываніи казаками военной службы. Приводимъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1) Новый уставъ о воинской повинности, которымъ сокращены льготы по семейному положенію и по образованію, отмѣнено освобожденіе отъ военной службы учителей и докторовъ.

2) О перенесеніи времени зачисленія казаковъ въ служимый составъ съ января на октябрь мѣсяцъ.

3) Объ установленіи ежегоднаго отпуска изъ казны средствъ на производство учебныхъ сборовъ казаковъ Забайкальск., Амур. и Уссур. каз. войскъ; согласно новому закону по *Амурскому и Уссур. к. в.*, предполагается собирать на учебные сборы нижепредѣльныхъ и льготныхъ казаковъ второй очереди на второмъ году состоянія ихъ въ этой очереди на 4 недѣли, льготныхъ же казаковъ третьей очереди только по особому, каждый разъ, Высочайшему повелѣнію; отбываніе учебныхъ сборовъ казаками-новоселами оставлено въ прежнемъ видѣ.

4) Объ обезпеченіи въ отставкѣ офицеровъ и чиновниковъ Амур. и Усс. к. войскъ; согласно этому зако-

ну, выходящіе въ отставку генералы, штабъ и оберъ—офицеры и классные чины войскового сословія, вѣзми въ земельнаго надѣла, будутъ получать пенсію.]

Вопроса же о сокращеніи срока дѣйствительной службы до двухъ лѣтъ, о чемъ выборщики поручали своему депутату хлопотать въ Думѣ, совершенно не поднималось. Да въ третей Думѣ и вообще не могло быть рѣчи о такомъ важномъ вопросѣ.

7) Народное образованіе.

Потребности въ народномъ просвѣщеніи въ обоихъ войскахъ удовлетворяются главнымъ образомъ при помощи казачьихъ школъ, по курсу соответствующихъ начальнымъ училищамъ мин. нар. просвѣщенія. Войсковыя школы, дающихъ повышенное начальное образованіе, нѣтъ, не говоря уже о средне-учебныхъ заведеніяхъ. Для дѣтей почти всѣхъ казаковъ, исключая небольшого числа наиболее состоятельныхъ, всѣ пути къ среднему и высшему образованію закрыты.

Правда, войсковыя правленія расходуютъ нѣкоторую сумму на стипендіи и пособия учащимся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Уссур. войскѣ—8½ тыс. руб., въ Амурск. только около тысячи руб. Но всего этого не достаточно для удовлетворенія дѣйствительной потребности населенія.

На послѣднемъ, къ тому же, лежитъ исключительная забота о начальныхъ училищахъ. Всѣ они—за исключеніемъ 20 церк.-приход. школъ—въ общемъ количествѣ 100 съ лишнимъ, при 140 учащихся, содержатся въ Амур. войскѣ почти всецѣло и въ Уссур. на половину станичными и хуторскими обществами. Остальная часть расходовъ, въ Амур. войскѣ *одна пята часть*, отнесена за счетъ войсковыхъ расходовъ. Такое тяжелое бремя по несенію затратъ на нач. нар. образованіе въ нѣкоторыхъ округахъ, особенно по Амуру, становится непосильнымъ и существующія же школы закрываются.

Главной причиной упадка платежеспособности станицъ нужно признать усиленіе продажи контрабанды, водки съ китайскаго берега Амура, что и подрываетъ доходы станичныхъ правленій отъ продажи вина изъ своихъ кабаковъ. Этими самымъ усугубляется негнѣмость того положенія вещей,

что матеріальная обезпеченность казачьихъ школъ находится въ прямой зависимости отъ степени доходности казачьихъ кабаковъ.

Кромѣ матеріальной необезпеченности, казачьи школы далеко не могутъ быть признаны удовлетворительными и въ смыслѣ постановки учебной стороны дѣла. Въ амур. войскѣ даже нѣтъ специальной должности инспектора, который руководилъ бы школьнымъ дѣломъ. Учительскій персоналъ большей частью безъ надлежащей педагогической подготовки и съ образовательнымъ цензомъ не выше городскихъ трехклассныхъ училищъ.

Объ организаціи внѣшкольнаго образованія нѣтъ и помину. Даже протія воскресныхъ чтеній почти нигдѣ не устраиваются. Общественная библіотека, заисключеніемъ двухъ-трехъ, совершенно отсутствуетъ.

Въ качествѣ palliативной, частичной мѣры къ устраненію такого печальнаго положенія вещей нѣкоторыя станичныя общества просятъ перевести свои школы въ вѣдѣніе мин. нар. просв., которое отнесло бы значительную часть расходовъ за счетъ казны. При этомъ ставится въ непремѣнное условіе, отдать потомъ школы земству, съ момента учрежденія такового въ нашемъ краѣ.

Однако высшая войсковая администрація не допускаетъ передачи казачьихъ школъ мин-ву нар. просвѣщенія въ виду того, что будто-бы воспитаніе въ военномъ духѣ подрастающаго казачьяго поколѣнія ускользнетъ изъ рукъ войскового начальства.

Словомъ, школьный вопросъ въ Примур. каз. войскѣ давно уже требуетъ неотложнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. А такъ какъ казачье начальство ничего не предпринимаетъ въ этомъ направленіи и голосъ казачьяго депутата остается «гласомъ вопіющаго»,—то и «возъ понытъ тамъ».

8) Расширеніе гражданскихъ правъ казаковъ.

Числясь по закону военнымъ сословіемъ, казаки въ силу этого въ правовомъ отношеніи гораздо болѣе ограничены и стѣснены, чѣмъ мѣщане и крестьяне. Отирывая депутата въ

третью Г. Думу, казачьи выборщики въ своемъ наказѣ поручали ему, между прочимъ, и добиваться проведенія закона «о свободномъ переходѣ и передвиженіи казаковъ и уравниеніи ихъ гражданскихъ правъ съ прочими сословіями». (Пунктъ 4-й наказа).

Въ законодательной работѣ Думы можно найти нѣкоторый откликъ этому желанію Примурскаго казачества. Думой проведенъ законопроектъ «объ измѣненіи правилъ объ отлучкахъ лицъ войскового сословія казачьихъ войскъ». Новымъ закономъ предоставляется казакамъ неслужилому составу брать отпускъ во всѣ мѣста Россійской имперіи на срокъ до пяти лѣтъ, съ обязательствомъ ежегодно увѣдомлять подлежаща станичныя правленія о мѣстѣ своего пребыванія. До настоящаго времени казаки могли пользоваться только годичнымъ отпускомъ.

Въ связи съ этимъ проектомъ принята Думой формула перехода, выражающая пожеланіе распространить новый законъ и на казаковъ запасаго разряда, которые на ряду со второй и третьей строевыми очередями могутъ брать отпускъ только на три мѣсяца.

Проведенъ третьей Думой также проектъ «объ измѣненіи закона о годичномъ срокѣ сдачи въ аренду казаками паевой земли». По старому закону 3-го іюня 1891 года казаки могли отдавать въ аренду лицамъ прочихъ сословій свою паевую землю только на одинъ годъ. Нонимъ же закономъ предоставляется отдавать на срокъ юртоваго (общиннаго) передѣла, но не долѣе, какъ на шесть лѣтъ, причемъ арендная плата можетъ быть получаемая владѣльцемъ не болѣе, чѣмъ за одинъ годъ впередъ.

Такия palliативныя мѣры, направленные къ улучшенію правового положенія казаковъ, конечно, далеки отъ дѣйствительнаго желанія казачества расширить свои права до полнаго уравниенія съ крестьянами и мѣщанами.

А стремленіе казака къ расширенію своихъ личныхъ правъ станетъ шоднѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что личность его стѣснена, кромѣ военной дисциплины, еще и

особыми условиями общественно-административного управления. Не казался вопроса о военной дисциплине, неизбежной при несении казаком строевой службы в течение почти половины своей жизни,—остановились несколько на гражданском управлении казаков.

В этой области безусловно можно было бы многое устроить к лучшему, даже и при том условии, что приамурские казаки, как представители военного сословия, остались бы в полной неприкосновенности.

Действительно, мы отметили уже тот факт, что хозяйственно-экономические условия жизни в нашем крае деляют здешних казаков такими же земледельцами, как и местные крестьяне. От последних они отличаются только родом отбывания военной службы. Территориальные условия, т. е. географическое положение казачьих войск на Д. Востоке, тоже деляет неизбежно тесное сближение казаков с крестьянами. Отсюда нельзя не прийти к единственному логическому выводу—к необходимости объединить общественно-административное управление в интересах тех и других, отделяя только завывание делом отбывания воинской повинности в особая учреждения.

К такому выводу придет всякий, кто хоть сколько нибудь ознакомится с бытом приамурского казачьего и крестьянского населения.

Не могь не прийти к такому заключению и участник экспедиции 1910 года В. А. Закревский. Вот что находим мы по этому вопросу в его цитированном уже нами труде: «Существующая ныне административно-хозяйственная обособленность казачьих селений создана искусственно и, чтобы больше будет развиваться жизнь в крае, тем труднее будет казачьему начальству отстаивать такую обособленность, которой, кстати сказать, не хочет само казачье население» (Стр. 225). Дальше, отмечив устарелость системы административного управления казаками, которое находится приблизительно в таком же положении, как крестьянское до учреждения института крестьянских начальников,—автор говорит: «Необхо-

димо считаться с мнением казачьего населения, а не только войскового правления, так как их мнения не совпадают по вопросам админ.-хоз. хозяйственного управления.» «Нужно черпать для ознакомления с нуждами казачества сведения не только из официальных переписок, а главное изучать эти нужды на месте. Выводы казака основаны на долготном опыте и с ним надо считаться при устройении его быта». [Стр. 243, 244.]

Устарелость и несоответствие с действительными требованиями жизни административно-общественно-хозяйственного управления казаков оказывает, между прочим, весьма печальное влияние на казака, задерживая нормальное развитие его как человека и гражданина.

9. Положение Приамурского казачества в Дальне-восточном вопросе.

По своему географическому местоположению Амурское и Уссурийское казачьи войска являются аванпостом на границе России с Китаем (Маньчжурией). От места слияния Шилки и Аргуни и до самого Великого океана, на протяжении 2660 верст, граница заселена почти исключительно казаками. Крестьянские земли примыкают к самой границе на весьма незначительном пространстве, главным образом только в Южно-Уссурийском крае.

Отсюда становится ясным ответственною ролю казаков, призванных служить защитой нашей дальне-восточной границы. Всякий напор «желтых» первым делом отзовется на казаках—пограничниках. Если весь Приамурский край принять за буфер, упирающийся с одной стороны в Россию, с другой стороны сдвигаемый Китаем и Японией, в их историческом стремлении к своему расширению,—то приамурское казачество в этом буфере окажется самой наиболее сдвигавшейся частью, обращенной к восточным народам.

Словом, казачье население Д.-Востока является самым страдательным элементом в борьбе с начавшимся уже натиском желтых. Можно, пожалуй, считать весьма сомнительной, ни на чем не основанной «желтую опасность» по отношению к всей Европе, по всему культурно-ев-

ропейскому миру. Но по отношению к Приамурью эта «желтая опасность» должна быть признана вполне реальным явлением, она факт современной действительности.

Быть может реальные последствия «опасности» были бы отпущены на неопределенное будущее, если бы не исключительное положение Приамурья в вопросах «мировой политики» русского правительства. Но в настоящее время, повторяю, наличие некоторых проявлений «желтой опасности» не может быть не признана по отношению к нашему краю. И выливается она иногда в весьма своеобразные формы.

Одним из таких гибельных для края видов влияния желтой расы является спавание пограничного, в частности и казачьего, населения контрабандным вином.

У себя на виду тот факт, что с закрытием порто-франко на правом берегу Амура и левом—Уссури, против каждого населенного русскими пункта, возникли китайские поселки. Жители этих поселков занимаются продажей контрабандных товаров, в том числе, а в некоторых местах преимущественно—и спиртными напитками. Общезвестны также и результаты дешевой продажи вина «за-границей». Некоторые казачьи хутора окончательно разорились, поголовно спившись. Закрываются школы. На реду с хозяйством приходит в подлинный упадок и нравственность.... Создается положение вещей, напоминающее собою такое же «спавание» инородцев—якутов, самоёдов и других—разными русскими «культуртрегерами».

В результате такой «культуртрегерской» работы явилось полное вырождение и вымирание некоторых инородческих племен. Неужели и население Приамурья ожидает такая же участь? Как не хочется вбросить этому и как это, вместе с тем, вполне возможно в недалеком будущем!

А сколько громких фраз о возрождении русской промышленности, о благодетельных последствиях для жителей края говорилось при аргументировании необходимости закрытия

порто-франко в Приамурьи. В результате закрытия свободной торговли поспособствовало обнищанию пограничного населения, упадку его духовной жизни.

Палкой о двух концах оказалась и другая проведенная через Г. Думу борьба с «желтой опасностью». Мы имеем в виду закон «о мерах против нашествия в Приамурский край китайцев и корейцев». Заградив доступ в край дешевого желтого труда, мера эта неблагоприятным образом отзовется на развитии сельского хозяйства. Особенно, при здешних климатических условиях, требующих быстрой уборки хлеба с полей.

Некоторой ~~каждой~~ *каждой* за лишение дешевых рабочих рук явится положение пошлины на маньчжурское зерно. Вопрос о приращении этой меры, а также о закрытии пятидесятиверстной полосы, в которой до сего времени производится свободная торговля товарами китайского производства, в правительственных сферах решен в положительном смысле. В ближайшем будущем обе меры будут проведены в жизнь.

В прямом отношении к печальному положению приамурского казачества в вопросе о желтой опасности находится думский запрос министру вн. дел о непрямом мн. местной администрацией мера к защите населения от нападений хунхузов.

Заключение.

Разсмотрев в нашем отчете очерк главнейших нужд приамурского казачества, каждую в отдельности, попытаемся теперь сделать возможные общие выводы из всего сказанного.

«Работоспособная» и «законнослушная» третья Дума не пошла дальше проведения мелких, «вермишельных» законопроектов в деле удовлетворения широких народных нужд, в деле обновления России. Мога ли такая Дума в полной мере удовлетворить наши местные нужды? Конечно—нѣтъ, не могла.

В самом деле, за пять лет существования Думы мы не получили ни местного самоуправления, так необходимого для упорядочения нашего зем-

скаго хозяйства, ни землеустройства, ни облегченія въ отбываніи воинской повинности, ни уравнинія нашихъ правъ съ прочими сословіями. «Не приходится ставить и по всемъ другимъ вопросамъ. Жалкое подобіе медицинской помощи населенію, право получать отпускъ на пять лѣтъ, вмѣсто одного года, сплаваніе населенія дешевыми контрабандными винами въ интересахъ развитія русской промышленности,—вотъ реальныя послѣдствія работъ третьей Думы, по скольку онѣ касаются нужды Приамурскаго казачества.

И вообще наши мѣстныя нужды не могутъ быть удовлетворены отдѣльными мѣрами, вѣдь зависимость отъ общенародныхъ нуждъ.

Дѣйствительно, вѣдь было бы непозволительно вводить въ Приамуріи демократическое земство, когда нѣтъ такого во всей Россіи. Не можемъ мы ожидать введенія всеобщаго обученія только въ нашемъ краѣ. Нельзя также рассчитывать на удовлетворительное разрѣшеніе земельного вопроса, при современной земельной политикѣ правительства, стремящагося непременно насадить помѣщиковъ въ Сибири. Не облегчать и отбываніе военной службы сокращеніемъ срока ея до двухъ лѣтъ только для Приамурскихъ казаковъ. Не расширять тоже и гражданскихъ правъ казака до тѣхъ поръ, пока не будетъ введено въ Россіи равноправіе сословій. Словами, не удовлетворяютъ ни одной изъ существенныхъ нуждъ края, и только для нашего края, пока эти нужды будутъ общими для населенія всей Россіи.

Кромѣ того, цѣлый рядъ нашихъ мѣстныхъ нуждъ можетъ быть разрѣшенъ и безъ законодательныхъ учрежденій. Содержаніе школъ, организація медицинской, ветеринарной и агрономической помощи, завѣдываніе дѣломъ отбыванія повинностей и т. д.—все это отрасли земскаго хозяйства. И онѣ вполне могутъ быть поставлены на надлежащую высоту съ введеніемъ земскаго самоуправленія въ краѣ.

Такимъ образомъ, избирая депутата въ четвертую Г. Думу, казаки—избиратели должны поручить ему, на ряду съ отставленіемъ мѣстныхъ ин-

тересовъ, добиваться проведенія въ жизнь и общенародныхъ требованій.

Что же, собственно, нужно требовать отъ будущаго нашего представителя въ Г. Думѣ? Что должно составлять его «profession de foi», его «святое—святыхъ» при работѣ его на пользу родного края—какъ части Россіи, на пользу Приамурскаго казачества—какъ части всего русскаго народа?

Исходя изъ всего изложеннаго нами выше, мы считаемъ, что было бы необходимо поручить будущему депутату отъ Приамурскихъ казаковъ отстаивать въ Г. Думѣ приблизительно слѣдующее:

Мѣстныя казачьи нужды:

1) Введеніе земскаго самоуправленія на ряду со всей Сибирью и въ нашемъ краѣ, съ распространеніемъ его на казачье и крестьянское населеніе. Въ мѣстныя органы земскаго самоуправления должно быть передано: завѣдываніе дѣлами по отбыванію повинностей и по общественному призрѣнію; организація медицинской, агрономической и ветеринарной помощи населенію; страховое, продовольственное и школьное дѣло, и вообще всѣ отрасли земскаго хозяйства. Дѣло же завѣдыванія отбываніемъ военной повинности казаками остается въ мѣстныя войсковыхъ правленій по принадлежности.

2) Скорѣйшее проведеніе землеустройства на основахъ разработаннаго уже и находящагося въ комиссіи Г. Думы проекта.

3) Сокращеніе срока дѣйствительной военной службы до двухъ лѣтъ, какъ времени, необходимаго для полученія строевого образованія, съ отнесеніемъ хотя бы части расходовъ на снаряженіе, обмундированіе и коня за счетъ казны.

4) Расширеніе гражданскихъ правъ казаковъ до полного уравнинія ихъ съ крестьянами и мѣщанами.

5) Неотложное принятіе энергичныхъ мѣръ противъ сплаванія пограничнаго населенія контрабандной водкой.

6) Упраздненіе должностей начальниковъ участковъ съ передачей подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ подлежащимъ станичнымъ правленіямъ.

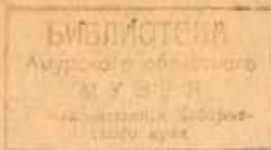
7) Если по какому либо причинамъ

затормозится введеніе земства, то въ видѣ временныхъ мѣръ и въ цѣляхъ улучшенія дѣла отстаивать: а) передачу школъ въ мѣстныя Мин. Народнаго Просвѣщ.; б) облегченіе отбыванія повинностей отнесеніемъ части земскихъ расходовъ на счетъ войсковыхъ капиталовъ; в) скорѣйшее проведеніе въ жизнь закона о медицинской помощи казачьему населенію; г) установленіе ассигнованій на агрономическую помощь черезъ мѣстныя агрономическія организаціи.

Въ области общенародныхъ требованій, безъ удовлетворенія которыхъ, какъ мы уже видѣли, нельзя рассчитывать и на разрѣшеніе въ благоприятномъ смыслѣ нашихъ мѣстныхъ вопросовъ и нуждъ,—депутату слѣдуетъ придерживаться великихъ заветовъ 1905 года и первыхъ двухъ Думъ.

Краткому обзору общенародныхъ нуждъ мы посвящаемъ отдѣльный очеркъ, къ которому и отсылаемъ читателей.

Списокъ главнѣйшихъ источниковъ*)

Труды Амурской экспедици 1910 года, изданные до июня мѣсяца 1912 г.

Журналъ совѣщанія по вопросамъ, касающимся колонизации Дальневосточныхъ областей, образованнаго въ 1908 году въ г. Хабаровскѣ при участіи сенатора Иванникова. С.П.Б. 1908 г.

Годовые отчеты Амурскаго и Уссурийскаго каз. войскъ за 1905—1911 года.

Счеты годовыхъ расходовъ Амур. и Усс. к. в. на пятилѣтіе съ 1911 по 1915 года.

Обзоръ Амурской обл. за 1910 г. Изд. Области. Статистическаго Комитета. Благов. 1911 г.

Счеты земельныхъ повинностей по Амур. и Приморской обл. на 1912—14 года.

Стенографическіе отчеты Госуд. Думы третьяго созыва за пять сессій 1907—12 года.

То-же Госуд. Совѣта.

Материалы комиссій Г. Думы за 1907—12 годы, относящіяся къ разсмотрѣніямъ въ очеркѣ вопросамъ.

«Примурье». Факты, цифры, наблюденія; собраны на Дальн. Востокѣ сотрудниками обще-земской организации. Москва. 1909 г. Цѣна—3 руб.

«Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды». Сборн. статей подъ ред. Мельника. С.П.Б. 1908 г.—2 р.

М. Х. Часовой (ип. Хмельновскій). Угроза сибирскому востоку. С.П.Б. 1910 г.—1 р.

Д. И. Субботина. Амурская жел. дорога и наша политика на Д. Востокѣ. С.П.Б. 1908 г.—20 коп.

Ф. И. Чиликина. Къ вопросу о земской реформѣ въ Амурской обл. Оттискъ изъ газ. «Эхо». 1910 г., сентябрь.

«Сборники о земствѣ въ Сибири». Материалы по разработкѣ вопроса на мѣстахъ и въ законодательн. учрежд. Изд. О-ва изученія Сибири и улучшенія ея быта. С.П.Б. 1912 г.—2 руб.
А. В. Дацкова. Очерки начальн. образованія въ Амур. области. 1910 г.—50 коп.

Г. И. Клатчолу. Къ закрытію порто-франко на Дальн. Востокѣ. 1908 г. Благов.

Н. Слонинъ. Вопросъ о порто-франко въ Примурьѣ.

Журн. «Сибирскіе Вопросы» за 1905—11 года.

Ежедневникъ газ. «Рѣчь» на 1912 годъ. С.П.Б.—2 р.

Полный сборникъ платформъ всѣхъ русск. политическихъ партій съ приложен. маниф. 17 октября 1905 г. и всеподданнѣйшаго доклада гр. Витте. С.П.Б. 1906 г.—50 коп.

Положеніе о выборахъ въ Г. Думу. Съ разъясненіями Сената и Мин. Вн. Дѣль. Изд. Мин-ва Вн. Дѣль. С.П.Б. 1912 г.—1 р.

Краткую сводку работъ Г. Думы третьяго созыва можно найти въ брошюрахъ:

1) «*Что дѣлала и что сдѣлала третья Г. Дума*». С.П.Б. 1912 г.—5 к.

2) «*Бюджетная работа Г. Думы*». С.П.Б. 1912 г.—5 коп.

(Складъ изданій: С.—Петербургъ, Потемкинская, 7, кв. 6).

(*) Въ видѣль экономіи мѣста и по техническимъ причинамъ, къ сожалѣнію, мы должны были отказаться отъ ссылки на источники въ соответственныхъ мѣстахъ

самаго текста и ограничиться настоящимъ общимъ спискомъ ихъ въ отдѣльномъ приложеніи.

Авторъ.

3613
699
1911

